

Вэй Чжао не хотел будить сына и слегка понизил голос:

— Между нами такие слова, веришь, я тебя проучу...

С детства Цзюнь Цин редко был с ним вежлив, и когда он вдруг становился таким, это было непривычно.

— Не верю!

Тон Цзюнь Цина явно повысился. Обычно слова Вэй Чжао могли быть не шуткой, но в его нынешнем состоянии, что он мог сделать? Только дурак поверил бы ему.

Вэй Чжао уже собирался что-то сказать, как вдруг услышал радостные крики за дверью. Прислушавшись, он понял, что в Башне Чжайсин началась викторина с раздачей фонарей, и велел открыть окна, выходящие внутрь.

Сидеть без дела было скучно, и он решил присоединиться к веселью. К тому же, фонари Башни Чжайсин не уступали дворцовым по качеству, а их дизайн был необычным и красивым. Если он выиграет пару фонарей для Вэй Чунжун, тот будет в восторге.

Мысли Цзюнь Цина были похожими — он тоже хотел чем-то занять себя, иначе ему тоже грозила сонливость.

Башня Чжайсин больше напоминала пагоду, чем обычное здание. Начиная со второго этажа, она была пустотелой, и гости с трех верхних этажей могли видеть платформу, установленную в центре второго этажа.

Для раздачи было подготовлено двенадцать фонарей, каждый из которых был подвешен на веревке и медленно поднимался и опускался... Этот процесс повторялся, чтобы гости на каждом этаже могли рассмотреть загадки, написанные на фонарях.

Все двенадцать фонарей были уникальны, но больше всего внимания привлекал фонарь с бегущими лошадами. Каждый его сегмент изображал историю, не из народных легенд, а о восьми самых известных генералах Великой Янь, начиная с основания государства, и их сражениях. Среди них были Цзи Цин и Цзюнь Линь.

Вэй Чжао сразу решил, что хочет именно этот фонарь, но загадка на нем: «Три горы — это три горы, каждая гора перевернута. Один месяц сменяет другой, и все они связаны. Слева и справа два крыла, вдоль и поперек две реки. Вся семья из шести, но двое не вместе». Он раз за разом перечитывал загадку, но так и не смог разгадать ее. Вспомнив, что Цзюнь Цин, кажется, учился усерднее, он повернулся к нему:

— Цин, ты сможешь?

Цзюнь Цин слегка удивился и покачал головой. Как и Вэй Чжао, он не интересовался поэзией и литературой, так что разгадать загадку было ему не под силу.

Фонари сами по себе не стоили дорого, но они были уникальны, и у каждой семьи были маленькие дети, которые, увидев их, начинали просить родителей выиграть их. Поэтому большинство гостей напряженно думали, и те, кто разгадывал загадку, писали ответ на листке бумаги и передавали управляющему. Если ответ был правильным, фонарь снимали и отдавали победителю.

Постепенно фонарей становилось все меньше, а Вэй Чжао все больше расстраивался. Почему это должна быть именно загадка? Если бы это была игра, например, метание стрел, он бы точно не проиграл.

Фонарь с бегущими лошадами остался последним, что говорило о его сложности, но Вэй Чжао уже не надеялся его получить.

В конце концов, увидев, как слуга снимает фонарь, Вэй Чжао почувствовал одновременно сожаление и облегчение. Вэй Чунжун спал и не знал о викторине, так что он мог просто не рассказывать ему об этом.

Цзюнь Цин, увидев расстроенное лицо Вэй Чжао, вдруг подумал, не стоит ли ему подтянуть знания в поэзии и литературе, иначе в будущем, если его сын захочет фонарь, он не сможет разгадать загадку. Надеяться на Цзи Синя было бессмысленно.

Как раз в тот момент, когда они оба погрузились в свои мысли, в дверь постучали. Слуга, подойдя к окну, увидел, что это слуга Башни Чжайсин, который нес только что снятый фонарь с бегущими лошадами, и сказал, что он принес его им.

Слуга явно удивился. Князь и маркиз не смогли разгадать загадку, и они не передавали ответа. Он спросил слугу, не ошибся ли тот. Слуга поспешно заверил, что ошибки быть не может, так как на листке с ответом был указан номер их зала.

Чувствуя, что здесь что-то не так, слуга доложил об этом Вэй Чжао. Услышав новости, Вэй Чжао невольно рассмеялся. Он предполагал, что фонарь мог быть подарен кем-то, но о его посещении Башни Чжайсин знали только две соседние семьи. Цзян Чэ ушел с племянниками, так что это был не он; князь Пин Вэй Чан был не силен в загадках, и даже если бы у него был помощник, его сын был ровесником Вэй Чунжуна, так что он бы не отказался от фонаря. Осталась только семья герцога Сун напротив, их осведомленность была действительно впечатляющей.

Слуга несколько раз перепроверил с слугой Башни Чжайсин, и, убедившись, что ошибки нет, принял фонарь. Вэй Чжао, держа в руках фонарь с бегущими лошадами, не чувствовал никакой гордости, только разочарование. Получить подарок и выиграть самому — это совсем разные вещи.

Когда время подошло, и толпа на улице начала расходиться, Вэй Чжао разбудил Вэй Чунжуна, чтобы отправиться запускать речные фонари. Проснувшись и увидев фонарь с бегущими лошадами, Вэй Чунжун был в восторге, крепко сжимая его в руках, его глаза сияли.

Чтобы запустить речные фонари, нужно было дойти до реки Юйшуй, которая находилась недалеко от Башни Чжайсин. Дорога заняла меньше четверти часа. Поскольку они прибыли поздно, река уже была усыпана лotosовыми фонарями, внутри которых на золотистых листах бумаги были написаны пожелания.

Вэй Чунжун уже дважды запускал речные фонари, но его желания не сбывались, и он больше не делал этого. Однако сегодня он точно собирался запустить фонарь.

На берегу реки Юйшуй располагалась лавка, где продавали лotosовые фонари. Вэй Чжао и его спутники подошли и купили по одному фонарю.

Продавец, увидев их богатые одежды, с энтузиазмом предложил:

— Господа, вы хотите готовые листки с пожеланиями или пустые? У нас есть чернила и кисти, вы можете...

Не дожидаясь, пока продавец закончит, Вэй Чжао поднял руку:

— Конечно, мы напишем сами. Просто предоставьте нам чернила и кисти.

Цзюнь Цин написал первым. Вэй Чунжун заглянул и увидел, что он написал всего четыре слова: «Семейное благополучие». Вэй Чжао постучал ему по голове:

— Что ты смотришь? Ты уже все иероглифы знаешь? Быстрее пиши свое, и если не знаешь, как написать, не рисуй кружочки.

Вэй Чунжун сердито посмотрел на него. Хотя у него не хватало сил, чтобы написать красиво, но рисовать кружочки — это было ниже его достоинства.

Вэй Чжао больше не обращал внимания на Вэй Чунжун, взял кисть и быстро написал: «Мир в стране, благополучие народа». Вэй Чунжун посмотрел на это и был слегка ошарашен. Запуск речного фонаря — это одно, но такое пожелание было слишком глобальным. Это больше подошло бы Вэй Су или Вэй Мину.

Видя, что Вэй Чунжун медлит, Вэй Чжао подгонял его:

— Жун, быстрее пиши. После запуска фонарей нужно еще ловить их, времени уже немного.

Вэй Чунжун подумал и в итоге написал: «Все желания сбудутся». У него было слишком много желаний, и он не мог выбрать одно, поэтому написал то, что могло охватить все.

Вэй Чжао и Цзюнь Цин, увидев его запись, не могли сдержать смеха. Этот маленький проказник был слишком жадным, желая, чтобы «все желания сбудутся».

Написав пожелания, они положили листки в выбранные лotosовые фонари и опустили их в воду. Так завершилась первая часть ритуала запуска речных фонарей. Вторая часть заключалась в ловле фонарей, и для этого нужно было спуститься вниз по течению.

Цзюнь Цин настаивал на том, чтобы самому запустить фонарь, но из-за своего состояния он с трудом опустился на колени, даже с поддержкой Вэй Чжао, чтобы отпустить фонарь. Вэй Чунжун же запустил свой фонарь сам, без помощи Вэй Чжао.

— Цин, мы не спешим, идем медленно. Ведь ловить фонари — это не значит ловить свои, — сказал Вэй Чжао, заметив, что на лбу Цзюнь Цина выступил легкий пот. Он поддерживал его, медленно идя и продолжая говорить.

Цзюнь Цин кивнул, не комментируя его слова. Вэй Чунжун, держась за руку Мэн Цзюньда, прыгал позади них, все еще неся в руке красивый фонарь с бегущими лошадками.

Дойдя до места, где уже многие ловили фонари, Вэй Чунжун издали заметил фонарь в форме феникса. Мэн Цзюньда пытался поймать его дважды, но не смог. Вэй Чжао прыгнул, ступил на воду и поймал фонарь, вернув его на берег. На берегу раздались аплодисменты.

Вэй Чунжун с нетерпением вынул листок из фонаря и увидел надпись: «Желание сбудется». Он рассмеялся. «Все желания сбудутся» и «Желание сбудется» — похоже, в этом году ему будет везти.

Цзюнь Цин присмотрел себе изящный белый лotosовый фонарь, но на этот раз он не стал упрячиться и позволил Вэй Чжао поймать его. Цзюнь Цин вынул листок, на котором было написано: «На небе желаю стать птицами, летящими крыло к крылу, на земле — ветвями, сплетенными воедино». Почерк был изящным и нежным, явно принадлежал какой-то знатной девушке.

Цзюнь Цин все еще разглядывал листок, когда Вэй Чжао улыбнулся:

— Хотя это и не праздник Циси, но слова довольно уместны.

Вэй Чунжун умно промолчал, понимая, что это не тема, в которую ему стоит вмешиваться.

<http://bllate.org/book/16486/1498281>